

Танкист, или «Белый тигр»

Начну с детства: сколько себя помню, всегда увлекался историей войн. Привычке своей не изменил и в зрелости. Преподавая историю в Нахимовском училище, с целью хоть как-то увлечь нахимовцев прошлым России, предложил им собирать модели образцов военной техники. Предложение получило неожиданное одобрение со стороны подопечных. Кто-то взялся за самолеты, кто-то за корабли, но большинство почему-то заинтересовалось танками Второй мировой. Так что после занятий вечерами начиналась активная «клейка» танков, в которой и ваш покорный слуга принимал самое непосредственное участие. Подобное времяпрепровождение вскоре превратилось для меня в настоящую хобби. Тем более, что в 90-е годы в магазинах продавалось огромное количество моделей немецких и советских машин — в том числе «тигров» и «тридцатьчетверок» различных модификаций, — и стоило всё это достаточно дешево — как говорится: «клей, не хочу». Одновременно с покупкой моделей я не скупился на книги по танкостроению, использованию танков в боевых условиях и т. д., и т. п. И, надо сказать, за несколько лет собрал довольно обширную библиотеку. Так, постоянно читая и постоянно клея, вскоре довольно-таки поднаторел в специфических знаниях, касающихся танков Великой Отечественной, — что, думаю, неудивительно...

Однажды, собирая очередной «тигр», представил себе, как на Курской дуге из обуглившейся «тридцатьчетверки» достают чудом выжившего танкиста. Он начисто лишен памяти и забыл прошлое — но только имя чудовищного врага уже никогда не забудет. Этим врагом для него является проклятый «Белый тигр», неуловимый немецкий монстр, а вообще-

то — порождение самого ада. Я увидел своего героя обожженным, страшным на вид человеком, которого все считают безумцем, но который научился разговаривать с танками и чувствовать их. Ему я противопоставил механическое чудовище, супер-робота, inferнальное зло. Вспомнился «Моби Дик». Безумному капитану Ахаву противостоял чудо-юдо-кит. А моему безумному танкисту Ивану пусть противостоят не менее огромный и загадочный танк. И пусть, словно Ахав за китом, мой герой гоняется за тем танком по всем фронтам великой бойни. Так зародился замысел, и мне самому он понравился.

Кое-какой литературный опыт за плечами подсказывал: всё дело в символе. Удачный символ — девяносто девять процентов успеха. Есть еще одно условие, без которого нельзя писать книгу. Дело в том, что литература, какой бы сложной она ни была, должна оперировать категориальными парами понятий «добро — зло», «белое — черное»... И здесь всё оказалось в порядке. Есть сгоревший и восставший из мертвых герой-танкист, есть его антипод — тот самый пресловутый нацистский танк. И символ, и категориальная пара были найдены. Теперь оставалось решить второстепенные, но не менее важные задачи. Захотелось создать *именно* сагу о войне, легенду (наподобие легенды о Тиле или о Моби Дике) и обильно насытить ее мистикой. А сага и миф в истории всегда переплетаются с действительностью. Вот почему я, «не дрогнув ни единым мускулом», решил «вклеить» Ваньку и «тигра» в реальные события Второй мировой. Здесь пригодились и книги, и Интернет. Исторические знания всегда тем хороши, что ими можно щедро насытить любое повествование, а уж что касается «Белого тигра» — тут сам Бог велел: в ход пошли воспоминания ветеранов, которые я приспособливал к тексту, тактико-технические данные техники, нашей и немецкой, сведения о тактике и стратегии применения танковых масс и так далее, и тому подобное — благо, всё это было под рукой (исторической и мемуарной литературой сейчас наводнены прилавки всех книжных магазинов)... Что касается сверхъестественных способностей Ваньки и «танка», конечно же, мои главные герои на протяжении всей книги неустанно демонстрировали все качества сказочных персонажей — были неуязвимы для пуль и снарядов, перелетали по воздуху, эпически сражались (с утра до ночи) и вообще совершали массу вещей, неподвластных простым смертным (поэтому позднее забавно было выслушивать негодования некоторых критиков по поводу того, что «подобного быть не могло», что «автор всё наврал» и прочее).

Таким образом, что касается источников, окружавших меня в огромном количестве, — я не стеснялся компилировать — и брал, брал, брал — можно сказать, черпал горстями информацию, насыщая данными свое повествование о Безумном Ваньке и о его охоте. Вымысел я щедрым сло-

ем «намазывал» на правду, постоянно сталкивая Ваньку и «тигра» с такими историческими персонажами, как Жуков, Катюков и Рыбалко, неустанно помещая героев в центры реальных сражений на реальных фронтах Великой Отечественной, отдавая себе полный отчет в том, что пишу легенду, а не исторический очерк — следовательно, имею право на неостановимую выдумку, как имел на нее право любимый мной Николай Лесков, когда писал «Левшу», или Андрей Платонов, первым подошедший к теме Отечественной войны с точки зрения былины, легенды, мифа и попытавшийся создать *именно* былинного персонажа в своих военных рассказах (и, увы, многими тогда не понятый!).

Кроме Ваньки и «тигра», я постарался создать еще несколько символов. Так, экипаж героя состоял у меня из *духов* войны. Заряжающий Бердыев — *дух пьянства*, без которого ни одна война в истории человечества не обходится. А наводчик Крюк — *дух откровенного мародерства и насилия* — тоже постоянных спутников любой катастрофы. Таким образом, и Ванька, и его экипаж, ко всему прочему, виделись мне еще и этими всадниками Апокалипсиса.

Конец романа сделал открытым. Война завершилась, однако «тигр» остается. Ванька продолжает охоту, выходя уже за «исторические рамки» повествования и вслед за своим врагом перемещаясь в иные, мистические сферы вечного бытия (можно сказать, на небо), где до Второго пришествия будет идти непрекращающаяся битва добра со злом.

Лихорадочная работа с текстом продолжалась чуть более года. Не скрою — мне был крайне интересен опыт перенесения эпоса на события Великой Отечественной, опыт создания легенды о бессмертном танкисте и его бессмертном же (как, увы, и сама война) механическом противнике. В жертву этому замыслу и были принесены многочисленные исторические труды, которые я использовал для написания «Белого тигра», создав из них своеобразный микс, симбиоз правды и вымысла. Что получилось в итоге, конечно, судить не мне...